

Владимир БИБИХИН

«Младенчество»

В телефонном приглашении на эту презентацию книги о Вячеславе Иванове, возникшую в контексте «Лосевских чтений», Елена Аркадьевна Тахо-Годи назначила мне тему «Младенчество». В 1917-м году Андрей Белый дал характеристику Вячеславу Иванову:

Умница, хитрая бестия; но от ума — впал давно уж в младенчество...

Эта оценка, как большинство у Андрея Белого, двусмысленная. Несомненное и скорее лестное в ней — то, что Иванова конечно нельзя числить среди людей века сего, этого времени. Младенцы к нему явно не принадлежат или принадлежат не к нему.

В статье о зрении Иванова, первой в сборнике, сегодня нами всеми обсуждаемом, Николай Всеволодович Котрелев говорит о принципиально важной для Иванова культуре первого простого видения вещей¹. Оно умеет оставить за вещами их целое богатство и поэтому само остается навсегда богатством. Оттуда берет потом свои содержания рассуждающая мысль. Наверное, в тех или других формулировках ту же способность ценят в себе все поэты. В этой связи Котрелев обращает внимание на конец строфы XIII поэмы Иванова «Младенчество», законченной уже 52-летним поэтом в 1918-м году, через год после того как Андрей Белый дал ему процитированную характеристику.

Моей старушка стала няней,
И в памяти рассветно-ранней
Мерцает облик восковой...
Кивает няня головой,
А «возле речки, возле моста» —
Там шелкова растет трава —
Седая никнет голова,

Очки поблескивают просто;
Но с детства я в простом ищущу
Разгадки тайной и грущу.

Достаточность простого для полноты жизни сделала для Иванова невозможным переселение в закрытое пространство тайных существ, куда его приглашали, как и Андрея Белого, мистики их эпохи. Теургия, которой хотел Иванов, не нуждалась для себя в особой сцене, она хотела разворачиваться на земле. Иванов вызвал «безумный протест» А. Р. Минцловой, мечтавшей о его обращении в розенкрейцерство, когда поделился с ней своими мыслями 14-го апреля 1910-го года, я цитирую по замечательной статье всё в том же нашем сборнике Г. Ф. Нефедьева «К истории одного «посвящения»: Вячеслав Иванов и розенкрейцерство»:

Сделай так, чтобы мир окрест тебя был в глазах твоих чист и свят, и понеси на себе грех его. Научись видеть темное светлым — научись вбирать в себя тьму окрест живущего и отдавать ему свой свет; будь теургом [...]. Будь губкой, втягивающей горечь мира, и уста твои станут устами Распятого за грех мира.²

Минцловой не хватало отрешенной чистоты в этом «сведении Великих тайн Неведомой Святыни [...] к системе канализации и к Ватер-Клозетным устоям»³.

Чтобы *сделать* мир чистым, необходимо и достаточно было, по-видимому, *ничего не сделать* — не справиться, не расправиться — с теми уже имевшимися с самого начала зрением и слухом, о которых говорится в поэме «Младенчество», например в строфе XXXI. Ребенок там воспринимает и поэтическую речь, и простую обыденную одинаково.

Слов странных наговор приятен,
А смысл тревожно-непонятен;
Так жутко нежен стройный склад,
Что всё я слушать был бы рад
Созвучья тайные, вникая
В их зов причудливой мечтой.
Но чудо и в молве простой,
Залетной бабочкой сверкая,
Сквозит...

Это сообщение о чуде или само присутствие чуда?

Само присутствие чуда — так сказать нужно, но если сообщение обеспечено само собой, то присутствие чуда во всем сознательном и це-

ленаправленном жизненном пути Вячеслава Иванова, в том числе в его самопонимании, обеспечено другим его творчеством. Ранним знаком его призвания было то, что он заговорил — вскрикнул — до рождения. Об этом рассказала ему мать, однозначно понявшая знак.

В полночный, безотзывный час,
Беременная, со слезами,
Она, молясь пред образами,
Вдруг слышит: где же?., точно, в ней —
Младенец вскрикнул! и сильней
Опять раздался заглушённый,
Но внятный крик... Ей мир был лес,
Живой шептанием чудес.
Душой, от воли отрешенной,
Удивлена, умилена,
Прияла знаменье она.

Ребенок, дышащий внутри тела матери через кровь, не может вскрикнуть, стало быть произошло чудо. Слово стало не только сообщением о чуде, но и его присутствием благодаря встречному чуду поэтического дара. Основное в жизни Иванова было размечено чудом. Чудом были и принятые им 26-го июня 1909-го года, через автоматическое письмо его собственной руки, поручения его покойной жены Лидии Дмитриевны, определившие его дальнейшую судьбу.

В творчестве Вячеслава Иванова надо поэтому видеть поддержанное чудом его призвания, его уникальной судьбы и тем самым уже *видоизмененное* младенческое зрение. В своем чистом виде оно сводится к невозможности, неспособности видеть раздельно слово, т. е. идею, и вещь, т. е. дело. Дети при этом прекрасно, рано и отчетливо выделяют среди всего происходящего *слова, речь*, много — больше нас — обращают внимание на устройство речи, на странность, необычность произнесения, но опять же и в этом случае *слово для них дело*, как если бы среди игрушек и мебели в их комнате, среди людей в их квартире жили бы и двигались слова. Словом сразу же дана вещь и вещью слово. Ничего такого, что стояло бы за словом, нет, потому что дано сразу вместе со словом. Когда вещи не видят, или не знают, слово остается полноценной и тем более богатой вещью, как у Иванова непонятные слова зовут не меньше, скорее больше чем понятные.

Наверное, все замечали, что русскоязычные дети в описании чужой речи дают ее под рубрикой *он сказал, она сказала*, когда имеют в виду именно слова, но передавая ситуацию вводят, включая младшеклассников, чужую речь через *а он такой, а она такая*; дальше стоит как бы двоеточие и следует пересказываемая речь. Так

во французском языке *сделал, сделала* *il fit, il a fait, elle fit*, значит то же, что он сказал, она сказала.

К тому же младенческому неразличению слова и вещи относятся такие факты, как то, что на просьбу напечатать на машинке букву Я ребенок, только что выучивший буквы, например трех лет, напишет первую букву имени попросившего. На просьбу напечатать слово *мама* напечатает первую букву ее имени. Ребенок слышит от родителей, что хорошего человека, соседа зовут Николай Иванович, и называет его так же. Соседу неудобно слышать такое обращение от ребенка 2 лет 9 месяцев, и он обучает его: «Меня зовут дядя Коля, дядя Коля», несколько раз, и так же на следующий день. «Дядя Коля, — говорит обученный наконец малыш, — а где Николай Иванович?» Слово исчезло вместе с человеком. Синонимов при таком слышании речи в принципе не может быть. Мы вспоминаем Фердинанда де Соссюра, который говорил, что если бы начала складываться настоящая лингвистика, она строилась бы на строгой невозможности синонимов в языке. Еще пример. Мать, которой непонятна смазанная просьба расстроенного ребенка, велит ему: «Ты мне скажи четко, тогда я пойму». «Четко!» — малыш 2-х лет 11-ти месяцев думает, что с ним играют в знакомую игру повторения слов. Желаемого смысла в требовании матери он не может услышать: для этого ему пришлось бы обратить внимание на свои слова как отдельные от его состояния, в данном случае упадочного, а он этого делать не умеет.

Сравнивая в свете этой темы Вячеслава Иванова с тем, кто до сих пор остается в сущности хозяином этого дома, мы замечаем, что Алексей Федорович находится от детства на другой и может быть более реалистической дистанции чем поэт и символист. Чтобы не повторять то, что уже известно из публикаций, и помня как всё, сколько было прямо детского в поведении Алексея Федоровича, например что он как ребенок потешался, слушая свой голос записанный на магнитофоне, — прочитаю несколько фраз из моих записей того, что он думал о детях.

У детей память до десяти, двенадцати лет ненормальная. Потом становится нормальная.

Этим вынесением в удивительное ненормальное ребенок, в том числе ребенок в нем самом, отодвигается в неприступное, неприкасаемое. Не надо его касаться как священного предмета. Тогда остается говорить о нем *педагогически*, как говорила в основном античность. Тогда ребенок это просто недоросший взрослый.

Мы всё уничтожили — и превратились в кафров [...] Нельзя же быть, чтобы все были одновременно культурными. Как ребенок сна-

чала говорит глупости, а потом учится. Как же уравнивать? Там на юге Африки негры должны быть наравне с англичанами — и американцами? Это же иллюзорно. Одна часть населения всегда растет, другая отстает — но это не значит что цивилизация есть эксплуатация. Они ничего не умеют — их и берут на черную работу. А когда они вырастают, они тоже привыкают к этой среде, так называемой буржуазной.

Это же естественный рост человечества. Так и в человеке — есть дети, сперва они ненадежны, глупы, спичками играют. Покамест ему 3–4 года, за ним должны следить и они должны подчиняться взрослым, иначе катастрофа. Надо купать их, стричь. Потом в 20 лет уже будет экзамены сдавать. А в 23 года вуз кончит и будет нормальным человеком цивилизации. А так что?

С детством по Лосеву произошел *исторический разрыв* — оно оставлено позади не как пройденная, а как изгнанная эпоха.

Наивность, простота, детскость пропадают после революции — начинается будоражение, опасность, надо бороться за свое существование, требуются усилия, чтобы это удержать. Поэтому якобинство — необходимое следствие революции, как и сталинистская власть. Революция ужасная мистерия жизни, человек теряет наивность. Якобинство неизбежно для сохранения нового порядка — а потом как следствие реставрация. До того жили свободно и спокойно, в меру своего достатка. А тут — ни к кому нельзя обратиться, ничего попросить, остервенение возрастает с каждым днем.

И разрыв кажется уже непоправимым, невозстановимым.

Что делать, если человек не понимает, что такое Бог, потому что безрассудные родители не употребляли слово «Бог». Казуистика такая: станет взрослый — сам решит, что такое Бог. Это казуистика. Если ты в детстве не узнал, что такое красный цвет, то и в 18 лет не узнаешь.

Детям *изменили*, их предали, их не оставили быть самими собой. Надо было только поддержать их в этой их самости, но на месте взрослых оказались обманщики.

«Дети не понимают слова «Бог»». Вранье. Играют же дети в королей, принцев. «Я принцесса», «слуга», «паж». Так почему же они слова «Бог» не понимают, [когда им] говорят, что Бог накажет? «Не бери чужого, а то Бог накажет». Конечно поймет. Иначе — вырастет таким идиотом. Мало ли идиотов. Есть и религиозный идиотизм. Только не разъяснили вовремя. Ну, не знает... Я не знаю интегрального исчисления. Это не значит что нет интегрального исчисления.

Ивановской надежды, что идеи просветятся в реальном и поднимут его до реальнейшего, у Лосева нет. Действительная история в конечном счете оказывается слишком самостоятельная и многослойная стихия, более глубокая, более загадочная чем в сущности *детский* мир идей. В этом смысле Лосев толковал платоновское обращение «Вы, эллины, как наивные дети».

Человеческие судьбы — в хаотическом состоянии. Платон взывает — стремитесь к нему. Но это заповедь и мечта философа. А в действительности... «Вы, эллины, как наивные дети. Вы забываете всё, ничего не помните [вспомним: у детей ненормальная память, она развертывается не во времени]... у вас не история, у вас сумбур... Послушайте, я расскажу вам об Атлантиде».

Такая близорукость не от глупости: так и должно быть при наличии царства идей и при воплощенности идей в быту — идеи управляют всем, но человек не может свободно следовать им... Словом, идеальность не спасает от хаоса в государстве. Но описать историческую жизнь с точки зрения торжества идей — они не могут. Там есть что-то выше чем идея. С одной стороны, всё оформлено — тело, государство, — а на самом деле мир полон катастроф. Выхода в истории нет, только утопия.

2002

